

УДК 94(47).032(045)

А.А. Кузнецов

**ПОХОД НА БУЛГАРСКИЙ ОШЕЛЬ В 1220 ГОДУ:
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ СОБЫТИЯ**

Статья посвящена изучению исторических источников по истории похода владимирских и муромских князей на Волжскую Булгарию в 1220 г. Затем на основе верифицированных источников предложена историческая реконструкция событий 1219–1230 гг. истории Владимирского княжества и региона Верхней и Средней Волги. Источники, привлекаемые для реконструкции: Лаврентьевская и Ермолинская летописи. Сведение Лаврентьевской летописи о походе относится к великокняжескому летописанию. Сведение Ермолинской летописи относится к ростовскому летописанию. Доказывается, что оригинальные сведения Московского летописного свода имеют литературное происхождение. Поэтому они не могут использоваться в этом исследовании. Осуществлена критика тезиса А. Н. Насонова о Летописце владимирского князя Юрия Всеволодовича в Московском летописном своде XV в. Поход 1220 г. представлен в контексте историко-географических реалий Восточной Европы первой трети XIII в. Доказывается, что поход не только стал ответом на рейд болгар на Устюг и Унжу, но и оказался началом экспансии Владимирского княжества в регионе устья Оки. Показана тактическая сложность похода. Им руководил князь Святослав – брат владимирского князя Георгия (Юрия) Всеволодовича. После прибытия корабельного войска к устью Камы произошло разделение. Одна часть русского войска разгромила город Ошель. Другая часть совершила рейд по берегам Камы. Успех военно-политического мероприятия обусловил военно-политическую активность Владимирского княжества в 1220-е гг.

Ключевые слова: болгары, Ошель, поход, летописи, источниковедение, Волга, реконструкция.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-107-116

В 1220 г. силами Владимирского княжества был осуществлен поход на болгарский город Ошель, ставший своеобразным возмездием за рейд болгар в 1219 г. Тогда был razорен Устюг, с трудом отбилась Унжа. К последствиям похода на Ошель надо отнести заключение владимирско-болгарского мира в Городце в декабре 1220 г. и основание Нижнего Новгорода в 1221 г. на устье Оки, на стыке Верхней и Средней Волги. Последнее знаменовало начало нового этапа экспансии Владимирского княжества по Волге и на Восток, прерванного Батыевым нашествием погромом. В силу этих обстоятельств поход 1220 г. оказывается значимой вехой в истории Владимирского княжества, Руси и будущей России.

Данное событие достаточно полно представлено в летописях. Изучение их сведений о походе 1220 г. в статье проводится через источниковедение фактов и еще уже – по методике, близкой к расслоению, «расшивке» летописей. Начало такому освоению летописного массива было положено К. Н. Бестужевым-Рюминым, опосредованное влияние которого на исследования И. Я. Фроянова и представителей его школы наблюдается через своеобразную эстафету В. В. Мавродин – С. Н. Валк – А. С. Лаппо-Данилевский. Вместо «больших скобок» А. А. Шахматова, нивелирующих многие ключевые нюансы летописеведения, здесь представлена попытка «вхождения» внутрь их и исследование конкретных текстов через анализ его деталей.

Можно выделить две традиции представления военно-политической акции 1220 г. *Первая версия* читается в *Лаврентьевской летописи*. Там поход на Ошель представлен исключительно как инициатива владимирского князя Георгия (Юрия) Всеволодовича без предшествующего рассказа о нападении болгар на Устюг и Унжу. Замысел владимирского князя был реализован его братом Святославом, командовавшим полками. В следующей годовой статье сообщается об основании Нижнего Новгорода [8, стб. 444–445]. Согласно Лаврентьевской летописи, военная операция 1220 г. была вызвана к жизни решением великого владимирского князя и носила исключительно наступательный характер; и можно думать (летопись не препятствует такому толкованию, но и не дает прямых указаний), что основание Нижнего Новгорода в 1221 г. было обусловлено победой Святослава над булгарами.

Второй вариант повествования о событии, как раз и представляет поход как цепь важных эпизодов: рейд болгар на Устюг и Унжу в 1219 г. – поход владимирских, ростовских, переяславских полков под руководством Святослава Всеволодовича на Ошель – триумфальное возвращение и чествование победителей – сборы владимирским князем нового похода – желание болгар предотвратить

поход – переговоры и Городецкий мир (с указанием на предыдущие договоры залесских князей с булгарами) – основание Нижнего Новгорода. Такая картина складывается из сообщений *Ермолинской, Львовской летописей, Тверского летописца и в наиболее законченном и понятном виде она явлена в Московском летописном своде конце XV в. (Воскресенской летописи) и Никоновской летописи.*

Остальные летописи либо молчат об этих событиях, либо дают отдельные фрагменты уже известных сведений о них.

Поскольку первый вариант, передающий великокняжеское летописание Владимира, полностью «укладывается» в «информационное пространство» второго варианта, то в историографии для изучения похода 1220 г., его предпосылок и последствия традиционно привлекается памятник «второго варианта» – Московский летописный свод конца XV в. (МЛС). В нем читается самый объемный текст о походе. Анализ сведений МЛС о событиях 1219–1221 гг. дан в работе В. А. Кучкина, посвященной маршрутам походов князей на болгар [7, с. 56, 57–58]. Исследователь доказывает, что поход представлял собой сложную военную операцию, сочетавшую и военную стратегию, и тактическое искусство русских полков.

Согласно В. А. Кучкину, после нападения болгар на Устюг и Унжу в 1219 г. был организован ответный поход, основное войско под командованием Святослава двигалось к Ошелю на судах по Волге, но часть сил из Устюга прошла на стык нижней и средней Камы и спустилось к ее устью, разоряя селения и отвлекая на себя противника. На устье Камы соединились полк (-и) Святослава, возвращавший(-е)ся после взятия Ошеля, и дружины, прошедшие от Устюга [12, с. 116–118]. Трактовка В. А. Кучкиным материала МЛС по статьям 1219–1220 гг. удовлетворяет информации источника. Само использование МЛС оправданно тем, что в этом источнике за период 1207–1234 гг., как доказывал А. Н. Насонов, читается Летописец владимирского князя Юрия (Георгия) Всеволодовича [13, с. 201–205], а в этом Летописце, по мнению ученого, содержались сведения о событиях 1219–1220 гг. [13, с. 223–224]. Именно этим объясняется наличие точных деталей, минимум «темных» для понимания мест в МЛС.

Однако известия предполагаемого Летописца Юрия (Георгия) Всеволодовича в подобном наборе и последовательности читаются в Ермолинской летописи. С единственной оговоркой, в Ермолинской летописи сокращены эти самые известия Летописца Юрия (Георгия) Всеволодовича. «Летописец» же, как доказывал А. Н. Насонов, читается в составе особой компиляции сведений с начала XII в. до 1417 г., она, в свою очередь, является частью свода 1464–1472 гг. [13, с. 260–274]. И если в Ермолинской летописи сведения по событиям первой трети XIII в. выглядят сокращенными по сравнению с известиями МЛС, то получается, что составители Ермолинской летописи целенаправленно (?) сокращали сведения общего с МЛС источника, в том числе и о событиях 1219–1220 гг., а более поздний МЛС их сохранил.

Однако текстологическое изучение ряда уникальных сведений МЛС на протяжении предполагаемого А. Н. Насоновым Летописца Юрия (Георгия) Всеволодовича показало, что они расширены по сравнению с родственными сведениями Ермолинской летописи, что не она, как подается в историографии, сократила тот текст, что МЛС якобы донес в полном первоизданном виде. Наблюдается обратная картина. Более того, исследование внутривосточной истории Северо-Восточной Руси в 1211–1218 гг. позволило выявить следы вторичной сознательной литературной обработки в МЛС тех сообщений, что в исходных объеме и последовательности читаются в Ермолинской летописи (и родственных ей памятниках). Ермолинская летописи и генетически близкие ей – по сведениям о политической истории Владимирского княжества в 1211–1218 гг., битва на Липице в 1176, 1216 гг., нашествие Батыя – Тверской сборник, Львовская и Холмогорская летописи сохранили ростовское летописание XIII–XIV вв. А МЛС оказывается следующим этапом в обработке и дальнейшем представлении этих сведений [2, с. 117–134; 4, с. 325–334; 6, с. 66–96].

На основе небольшого объема выборки и источниковедческих фактов все же нельзя сразу «переворачивать» схему А. Н. Насонова и предлагать однозначный летописеведческий вывод об «отмене» Летописца Юрия (Георгия) Всеволодовича и его замещении фактами доработки летописания Северо-Восточной Руси домонгольского времени в ростовском летописании и великокняжеском летописании Москвы второй половины XV в. Тем актуальнее является проверка предлагаемой схемы еще на одном участке «Летописца Юрия (Георгия) Всеволодовича» – походе 1220 г. Эта проверка выражается в сравнительном анализе пространственных сообщений о походе на болгар в 1220 г. в Ермолинской летописи и МЛС.

Под 1219 г. Ермолинская летопись и МЛС сообщают, что болгары лостью взяли Устюг, а Унжа отбилась [1, с. 67; 12, с. 116]. Статья 1220 г. в обеих летописях начинается тем, что великий князь Юрий (Георгий) послал брата Святослава «на Болгары», но в МЛС болгары названы безбожными (маркер позднего – по сравнению с летописанием первой трети XIII в. – времени). Но это различие не является главным.

В Ермолинской летописи написано, что Святослав был послан со своими воинами, Ярослав (Всеволодович) направил своих воинов (в МЛС прибавлено, что воины Ярослава были из Переяславля), а Василько (Константинович) дал ростовцев и устюжан, Давыд и Юрий – князья муромские – снарядили своих сыновей Святослава и Олега соответственно. Передвижение войск в походе, согласно Ермолинской летописи, оказывается единым. А в МЛС добавлено, что Василько Константинович полк из Устюга послал с «Юостьюга» на верховья Камы [1, с. 67; 12, с. 116].

МЛС дополняет, что воеводство (под Святославом) было поручено Еремею Глебовичу. Далее в тексте МЛС о походе 1220 г. о Еремее Глебовиче не упоминается. В других источниках, включая Ермолинскую летопись, об участии Еремея Глебовича в походе не сообщается. Зато там Еремей встречается под 1216 г. (Константин Всеволодович направляет его для переговоров со смоленскими князьями и новгородцами) и под 1238 г. (он назван воеводой Всеволода – сына Георгия Всеволодовича и гибнет под Коломной). В подобных эпизодах Еремей Глебович есть и в МЛС. Для выяснения появления его в походе 1220 г. надо сделать небольшое отступление.

В историографии встречается воевода Еремей Глебович, который действует в событиях 1216, 1220, 1228 и 1238 гг. Сначала он – воевода ростовского князя Константина Всеволодовича, потом – воевода в походе 1220 г., вместе с ростовским князем Васильком Константиновичем был направлен в 1228 г. на мордву и, наконец, гибнет под Коломной зимой 1237/1238 г. Сведения о нем неравномерно распределены по источникам. Представим их по принципу: от раннего к позднему.

Дата \ Летопись	1216	1220	1228	1238
Новгородская первая	И усрете Еремеи от князя Костянтина [14, с. 55, 255]			Князь Юрьи Володимирьскыи тогда посла Еремея въ сторожихъ воеводоу, и сняся с Романом..., и ту убиша князя Романа и Еремея, и много паде ту съ княземъ и съ Еремеем [14, с. 75, 287]
Лаврентьевская			Посла на Мордву Василка Константиновича и своего мужа Еремея Глебовичъ [8, стб. 450]	И убиша у Всеволода воеводу Еремея Глебовича [8, стб. 460]
Ермолинская	И присла к нимъ князь Костянтинъ Еремея [1, с. 65]			И ту прииде противъ ихъ Всеволод Юрьевичъ из Володимеря и князь Романъ Ингваревичъ со свои вой... И убиша Романа Ингваревича и Еремея Глебовича, воеводу Всеволожа [1, с. 74]

Московский летописный свод конца XV в.	И срете князь Костянтин воевода Еремеи из Ростова Мстислава и его братью, и рече [прямая речь, заимствованная из «Повести о битве на Липице» в новгородско-софийских летописях; см., например: Софийская первая летопись старшего извода [15, стб. 264–265]] [12, с. 112]	Князь велики Юрьи Всеволодич посла брата своего Святослава..., а воеводство приказа Еремею Глебовичу [12, с. 116]		Князь же велики Юрьи посла противу им сына своего Всеволода..., и с ним князь Романъ Ингворович с вои своими, а воеводу своего Еремея Глебовича посла князь Юрьи напред... И ту убиша князя Романа, а у Всеволода воеводу его Еремея [12, с. 127].
--	---	---	--	--

Такое соотнесение летописных сообщений, связанных с Еремеем, наводит на целый ряд соображений. Одним из них, например, является то, что от князя Константина в 1216 г. не тождественен Еремею Глебовичу – воеводе князя Георгия (Юрия) Всеволодовича в 1228 г. и в 1238 г. На этом тождестве не настаивал ни один из летописцев, чьи тексты приведены в таблице. Сведения Ермолинской летописи и МЛС о Еремее Глебовиче 1238 г. в первом приближении представляются вариантами нарратива, соединяющего рассказы о битве под Коломной, обнаруживающиеся в исходной форме в Новгородской первой и Лаврентьевской летописях. Нарратив этот не может быть оригинальным чтением из Летописца Юрия (Георгия) Всеволодовича, но является литературным произведением и результатом историографического усилия сводчиков – отдельно Ермолинской летописи, отдельно МЛС. И более логичным представляется, что упоминание Еремея Глебовича в 1238 г. Ермолинской летописи могло быть основой для расширения повествования в МЛС. Вышеприведенные соображения позволяют предположить, что и в повести о походе 1220 г. МЛС Еремей Глебович проявился с целью нарративизации и устранения шероховатостей исторической реконструкции сводчика (см. ниже).

Общая картина подхода Святослава к Ошелю, битвы за него и ухода вверх по Волге к устью Клязьмы в МЛС изобилует уникальными – по сравнению с Ермолинской – деталями: 1) основная часть войска – залесские и муромские полки – встречаются на устье Оки; 2) базой для броска к Ошелю стали острова Исады (оттуда русские полки переправились через Волгу и вышли к Ошелю); 3) после переправы на пути к Ошелю Святослав расставил полки – *ростовский* по правую руку, *перяславский* по левую руку, центр занял Святослав со своим и муромскими полками, а еще один полк был оставлен у лодей; 4) от берега к Ошелю русские полки прошли лесом; 5) в отличие от Ермолинской летописи, где войско болгарского князя пускает стрелу и спасается бегством, в МЛС лишь фиксируется наличие на пути русского войска к Ошелю болгарского войска с князем, а князь Святослав «поиде вборзе к граду»; 6) в отличие от Ермолинской летописи, где русские воины фигурируют с топорами, в МЛС они действуют с секирами; 7) в МЛС введена речь князя Святослава перед штурмом Ошеля, посвященная возможному исходу – «или добро, или зло»; 8) при изображении предпринятого штурма в МЛС и ЕРМ упомянут болгарский князь, бежавший (бросил уничтоженных воинов, взятых в плен женщин и детей); 9) в МЛС говорится о русских мародерах, пытавшихся поживиться в горящем Ошеле; 10) по МЛС, по пути к лодьям началась буря с дождем, а потому русские полки пережидали ночь; 11) в МЛС расширенная и драматичная картина оплакивания булгарами на берегу своих плененных соплеменников; 12) по МЛС, когда Святослав встал на устье Камы, к нему пришли Воислав Добрынич с ростовцами и устюжанами, прошедшие (МЛС напоминает) с верховьев Камы; 13) князь Юрий встречает брата не просто у Боголюбова (как в Ермолинской летописи), а на реке Сурамле; 14) в МЛС раскрывается честь великого князя – золото, серебро, кони, порты, аксамиты и паволоки; 15) если в Ермолинской говорится, что князь Юрий заключил договор, как при его отце Всеволоде, то в МЛС – к договору отца добавлен его дед «Георгий Володимирович» (Юрий Долгорукий) [12, с. 116–117].

Исключительные детали МЛС позволяют говорить о нарративизации предшествующих летописных сведений – болгарский князь, вообще уклонившийся от боя с войском Святослава, ростовский полк в несостоявшейся полевой битве за Ошель. Напомним, что согласно Ермолинской летописи, русские полки высадились на берег, против них со своей силой вышел «болгарский князь», «пустиша нань по стреле» и бежали в город; начался штурм Ошеля, в ходе которого болгарский князь бежал в «градь», который он покинет во время штурма. Согласно МЛС, после выхода из лодей на берег русские полки построились, как указано в пункте 3, и пошли к лесу; пройдя через лес, русские встретили построенное войско противника на конях во главе с «болгарским» князем и «поставиша полк на поли», а Святослав пошел к граду и начал штурм. Понятно, что более логичной и органичной представляется картина, данная в Ермолинской летописи. Ведь, согласно МЛС, встретив конное войско врага, Святослав связал его неким полком, а сам двинулся на штурм Ошеля. Но затем сам болгарский князь бежит из горящего града. Как он туда попал, когда оказался связанным полевым сражением и отрезанным от Ошеля осаждавшим войском Святослава, ответа текст МЛС не содержит. И, как кажется, отсутствие в МЛС сцен пуска стрел и бегства в Ошель болгарского князя – результат вмешательства его «автора»/сводчика. И тогда в этом случае наблюдается «провал» информации, компенсируемый заметным сминанием/«швом»: болгарский лишь выстраивает войско в поле перед Ошелем, а Святослав, как бы игнорируя его, сразу идет к Ошелю, а затем тот же болгарский князь бежит из горящего города. В другом случае наблюдается наращивание информации с прибавлением «нашиваемого» «лоскута» в рассказе МЛС о ростовском полке в битве за Ошель в то время как он должен был быть на Каме. Очевидно, ростовский полк под Ошелем – это преувеличение составителя МЛС с целью придания большего размаха военной кампании июня 1220 г. А это, в свою очередь, определяет потребность источниковедения факта устюжско-камского броска поздней весной – начала лета 1220 г.

Панорамная картина значительного, даже восточно-европейского масштаба, похода 1220 г., представленная в МЛС, проблемна с точки зрения событийной реальности. Получается, что окружной маневр устюжского полка с выходом на верховья Камы дополнил основной удар судовой рати. С учетом того, что взятие Ошеля произошло 15 июня (по Ермолинской летописи и МЛС), а средняя скорость Волги составляет 2–6 км/ч, то прохождение основной судовой рати от устья Оки до Ошеля (более 450 км), располагавшегося ниже устья Камы, могло занять минимум – без отдыха и стоянок – 5 суток. То есть от устья Оки они должны были двинуться до 10 июня. А до этого должна была состояться стыковка муромских и залесских – из Владимира, Юрьева, Переяславля и Ростова – ратей. Если муромский отряд по Оке сразу на судах мог выйти к устью Оки, то это оказывалось проблемой для ростовских, владимирских, переяславских и юрьевских полков, которых, к тому же надо было снабжать кораблями. Все это предполагает высокую степень координации войск в условиях мая – начала июня 1220 г., когда еще не спало половодье. Но в таковых обстоятельствах проблема исторической реконструкции пока решаема.

Усложняется проблема – до состояния неразрешимой – марш-броском войска устюжан от Устюга на верховья Камы. Поскольку они соединились судовой ратью Святослава на воде, а до этого действовали по Каме, то надо предполагать, что они тоже перемешались на кораблях. На карте похода, представленной в статье В. А. Кучкина о маршрутах русских походов на болгар, устюжский рейд представлен кривой от впадения Юга в Сухону до верховьев Камы – и между этими пунктами большое пространство, в реальности в реальности насыщенное реками, например, Лузой, Моломой, Вяткой, Сысолой. Как должна была пройти эта судовой рать подобные участки, какими волоками она их преодолевала? Опыта таких рейдов на Руси, судя по письменным источникам, еще не было. А ведь надо было согласовать время встречи обеих частей войска после прохождения по «землям незнаемым» и боев ростовско-устюжской рати по течению Камы.

Почти через два с половиной столетия подобный комбинированный поход русских войск на Казань – одной части по Волге, другой через верховья Камы – в 1469 г. оказался не столь успешным, как акция 1220 г. Судя по тому же МЛС, пока русские полки воевали по Волге, часть их сил, двинувшаяся от Устюга «забуксовала» на Вятке [12, с. 281–283]. И это при том, что годом раньше был опробован более простой поход от Устюга и Вятки к Каме [12, с. 280–281].

В свете таких обстоятельств надо отметить, что в 1220 г., не имея опыта, далеких походов от Устюга к Приуралью, тяжело, даже невозможно было согласовать действия двух частей русских

войск так, чтобы ростовско-устюжская рать подросла к возвращению полков Святослава после взятия Ошеля, как это описано в МЛС.

Зато в Ермолинской летописи читается более реалистичная версия похода 1220 г. Следуя ей, можно предложить такую трактовку. Собранный в Северо-Восточной Руси рать князей Залесской и Муромской земель дошла до устья Камы и разделилась: основная часть во главе со Святославом ушла к Ошелю, а ростовцы и устюжане под руководством Воислава Добрынича поднялись вверх по Каме. После взятия Ошеля войском Святослава и камского рейда ростовцев и устюжан на обратном пути они встретились.

Исходя из внутренней источниковедческой критики текстов Ермолинской летописи и МЛС о походе 1220 г., надо констатировать, что исходный первичный вариант читается в Ермолинской летописи, а вот МЛС расширяет этот текст за счет новых деталей, драматизации, которые порождают противоречия и текстовые швы. В пользу такого умозаключения свидетельствует еще одно обстоятельство.

Если в Ермолинской летописи, согласно А. Н. Насонову, читается сокращенный до искажения смысла оригинальных сведений Летописца Юрия Всеволодовича в составе свода 1464–1472 гг. текст, а МЛС (ВОСК) донес его исходный вариант, то надо объяснить как аналогичное Ермолинской летописи сведение о походе 1220 г. – читается в разновременных Тверском сборнике, Львовской летописи, Холмогорской летописи – с разным текстовым «конвоем», но с сохранением основной схемы повествования?

И здесь уместно другое объяснение, что в Ермолинской, Львовской, Холмогорской летописях и Тверском сборнике сохранилось исходное оригинальное сведение о походе 1220 г. Оно восходит к ростовской летописной традиции – отсюда внимание к ростовцам, участию Василька Константиновича в переговорах в Городце в декабре 1220 г. На основе этого сведения создавался более расширенный недостоверными деталями рассказ о походе, читаемый в МЛС.

Конечно, из всех теряемых деталей для исторической реконструкции 1220 г. самой болезненной является отказ от удара с верховьев Камы. Выяснение происхождения сведения о нем в МЛС убеждает в его литературном генезисе. Это микроисследование возможно на основе анализа разночтений списков Никоновской летописи.

В Оболенском списке Никоновской летописи (первичном, исходном для создателей Никоновской летописи) читается такой же текст [9, с. 83–85 (левый столбец)], как в Ермолинской, Львовской, Холмогорской летописях и Тверском сборнике, а в Лаптевском списке Никоновской летописи [9, с. 83–86 (правый столбец)] – похожий на нарратив МЛС. В Лаптевском списке Никоновской летописи, кроме появления там Еремея Константиновича, примечательна следующая деталь: при сборе войска сообщается, что «брат его князь Ярослав Всеволодич своего воеводу посла с своими воинствы в помощь, а братанич его князь Василько Костянтинович посла воеводу своего с своими Ростовцы и Устюжане» [9, с. 83 (правый столбец)] – без всякого упоминания рейда на Каму; а про встречу на Каме двух частей войска указано, что «и ту прииде к нему Воиславъ Добрыничъ, и Ростовцы и Устюжане со множеством полона и с корыстью великою, те бо отпущении бяху преже еще вниз идущее воевати Каме и взяста много градков, а сел неколико, и пожгоша все, а люди изсекоша, а ныхъ в плен поведоша» [9, с. 85 (правый столбец)]. Такая же фраза читается в МЛС [12, с. 117]. Очевидно, она и стала исходной в рождении сведения об обходном рейде на верховья Камы устюжан с ростовцами. Об этом свидетельствует находящееся на своем месте в рассказе Никоновской летописи, по сравнению с МЛС, сведение (как в Ермолинской) об отступлении с боем в Ошель болгарского князя после встречи с полками Святослава [9, с. 83 (правый столбец)].

Надо повторить, что исходный оригинальный текст о походе 1220 г., сложившийся в ростовском летописании, читается в Ермолинской летописи и др. Он, литературно расширенный во второй половине XV в., представлен в Лаптевском списке НИК (там оказался воевода Еремей Глебович, мир Юрия Долгорукого, лирические отступления, плачи болгар и пр., фраза о ходившем на «низ» Камы отряда ростовцев и устюжан). Эта почти уже повесть подверглась затем переделке в МЛС: операция была обусловлена тем, что автор переделки предложил свою трактовку фразы ««и ту прииде к нему Воиславъ Добрыничъ, и Ростовцы и Устюжане со множеством полона и с корыстью великою, те бо отпущении бяху преже еще вниз идущее». Данное им пояснение указания на Воислава Добрынича с устюжанами и ростовцами, отпущенный еще прежде «вниз идущее» как обходного маневра на верховья Камы, а оттуда в ее низовья, сделала из летописца историка-интерпретатора [10, с. 26].

Сведение в МЛС об обходном маневре через Каму не обязательно могло быть умыслом летописца XV в. Он мог видеть привычную для второй половины XV в. картину и военно-политического мероприятия в известных ему историко-географических рамках. Для этого достаточно вспомнить – неудавшийся комбинированный поход 1469 г. Для такого конструирования могли привлекаться и иные детали. Воевода Еремей Глебович, один раз упомянутый при князе Святославе Всеволодовиче, своеобразно «уравновешивает» Воислава Добрынича. Создается иерархично-симметричная литературная композиция: князь Святослав – общий руководитель мероприятия, а его двумя направлениями руководят два воеводы. И такая картина уже привычна, естественна для военных дел Российского государства второй половины XV в. Встреча владимирским князем Георгием Всеволодовичем победителей у Боголюбова на реке Сураме (Никоновская летопись (Лаптевский список) / *Сурамле* (МЛС), отсутствующая в других источниках, могла появиться как деталь, знакомая книжнику второй половины XV в. А с другой стороны, она удостоверяла летописный рассказ.

В Ермолинской и родственных ей летописях указывается на то, что Городецкий мир с булгарами был заключен по «миру» Всеволода Большое Гнездо. А в МЛС и Лаптевском списке к этому прецеденту добавлен еще мир с булгарами деда Георгия (Юрия) Всеволодовича – Юрия Долгорукого. Источники молчат о договорах с булгарами Всеволода Юрьевича и его отца. Безотносительно того, как относиться к миру Всеволода – реальность ли, результат работы летописца – мирный договор Юрия Долгорукого позволяет представить Городецкий мир как династическую преемственность во внешней политике. Тем самым Георгий – тезка деда – восстанавливает справедливость после набега болгар Устюг и Унжу.

Получается, что при изучении похода 1220 г. надо признать, что использование Летописца Юрия Всеволодовича как источниковедческого инструментария не удовлетворяет вариантам летописных сведений об этом событии. В итоге, МЛС (ВОСК и Лаптевский список Никоновской) содержат ничем не подтверждаемые детали. Их надо трактовать как дань законам литературного сочинительства.

Для реконструкции похода 1220 г. надо привлекать Лаврентьевскую и Ермолинскую летописи. Первая представляет владимирское великокняжеское летописание, второе – ростовское.

Изучение их сведений позволяет так представить событие. В 1219 г. состоялось нападение болгар на Устюг и Унжу. Оно было первым известным по источникам актом болгарской агрессии после 1107 г. (набег болгар на Ярославль в 1152 г., известный по Типографской летописи, тоже оказывается плодом литературного творчества [5]). Мотивы болгар в 1219 г. неизвестны. Предлагаемое В.А. Кучкиным противодействие русскому освоению Сухоны [7, с. 56] умалется тем, что историкам не ясны контур и структура государства болгар и, как следствие, – готовность и возможность вести такую политику. Можно предложить и другое объяснение – грабеж, получение трофеев.

На нападение болгар в 1219 г. последовал ответный поход судовой рати. Инициатором был владимирский князь Георгий (Юрий). Сколоченная коалиция была большой: юрьевский полк Святослав, дружина Ярослава Всеволодовичей, полки Устюга и Ростова Василька Константиновича, муромских князей. Цель политическая – демонстрация силы и мощи после набега болгар. Военная – Ошель как крупный город на правом берегу Волги ниже устья Камы. При прохождении устья Камы на ее низовья бы отправлен сборный устюжско-ростовский отряд под командованием Воислава Добрынича (маловероятен, но возможен их скоротечный рейд во время осады Ошеля). Разделение преследовало две цели. Военная цель – предотвратить возможный подход корабельной рати болгар (отряд с Великого города шел к насадам Святослава), экономическая – грабеж в рамках военной экономики [11; 3, с. 25–26; 33; 34] (та же цель была и у Ошеля). Успехи обеих русских ратей, встреча на устье Камы, триумфальное возвращение домой и, думается, экономическая выгода вдохновили владимирского князя Георгия Всеволодовича на более грандиозное повторение похода. И он сам стал собирать новый поход. Встревоженные болгары захотели его отменить. И переговоры в Городце велись ими с тем, чтобы не допустить поход.

В мае – июне следующего 1221-го года был основан Нижний Новгород. Напрямую это не было связано с походом 1220 г. и с договором с булгарами, поскольку они не контролировали земли в устье Оки (между Северо-Восточной Русью и Булгарией простиралась ничейная в политическом смысле зона; никаких свидетельств обратного утверждения не обнаружено) [3, с. 29–30]. Но появление (Нов-)города, безусловно, было вдохновлено военно-дипломатическими успехами 1220 г. Нижний Новгород с округой стал в центр походов на проживавшей неподалеку мордву Пургаса. С другим

мордовским объединением – Пуреша – у владимирского князя был заключен договор. В мордовских пределах проявились и болгары зимой 1229 г. Очевидно, что основание Нижнего Новгорода выходило за рамки договоренностей декабря 1220 г. И с 1223 г. по 1229 г. шла русско-булгарская война, закончившаяся в 1229/1230 г. переносом останков замученного булгарами Авраамия и новым миром Владимирского княжества и Булгарии [8, стб. 452 – 453; 3, с. 30, 37–38].

События после похода 1220 г. показывают, что для Владимирского княжества он и предшествовавший ему рейд болгар на Устюг и Унжу стали толчком для экспансии. Она была обусловлена желанием территориального расширения и потребностями военной экономики. Начавшееся военнополитическое наступление Владимирского княжества было остановлено монгольским нашествием.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. М.: Языки русской культуры, 2004. 240 с.
2. Кузнецов А. А. Битва на Липице 1216 г.: источниковедение и история события // Новгородский исторический сборник. СПб.: Санкт-Петерб. ин-т истории РАН–Великий Новгород: Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Вып. 16 (26). С. 115–138.
3. Кузнецов А. А. Имперские особенности дипломатии Владимирского княжества среди неславянских народов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2019–2020 годы: Дипломатические практики античности и средневековья. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2020. С. 19–41.
4. Кузнецов А. А. Нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь в 1237/1238 г.: источниковедение фактов // Мининские чтения. Нижний Новгород, 2011. С. 325–343.
5. Кузнецов А. А. О достоверности сведения о набеге болгар на Ярославль в 1152 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Выпуск 2(6) Нижний Новгород: Издательство ННГУ, 2006. С. 94–104.
6. Кузнецов А. А. Политическая история Северо-Восточной Руси 1211–1218 гг.: источниковедческий аспект // RUTHENICA. Т. VIII. Киев: Институт истории Украины НАН Украины, 2009. С. 66–96.
7. Кучкин В. А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII–первой трети XIII в. // Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород: Кварц, 2011. С. 45–64.
8. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
9. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. X. М.: Языки русской культуры, 2000. 244 с.
10. Маловичко С. И. Возникновение и политическая жизнь древнерусского города в отечественной исторической мысли XVIII в. Автореферат дис. ... на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02, 07.00.09/ Ставропольский государственный университет. Ставрополь, 2002. 65 с.
11. Мельникова Е. А. Экономические системы в эпоху образования государства: Древняя Русь и скандинавские страны // Древнейшие государства Восточной Европы, 2015 год: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье. М., 2017. С. 390–440.
12. Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. 464 с.
13. Насонов А. Н. История русского летописания XI–начала XVIII века. Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. 556 с.
14. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
15. Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. I. М.: Языки русской культуры, 2000. 312 с.

Поступила в редакцию 30.05.2022

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства Института психологии и предпринимательства ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
603022, Россия. г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23
E-mail: nalbuz@mail.ru

A.A. Kuznetsov

**RAID ON THE BULGAR OSHEL IN 1220:
SOURCE STUDY AND RECONSTRUCTION OF THE EVENT**

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-107-116

The article is devoted to the study of historical sources on the history of the campaign of the princes of Vladimir and Murom against the Volga Bulgaria in 1220. Then, based on verified sources, a historical reconstruction of the events of 1219–1230 is proposed. The sources used for reconstruction are the Laurentian and Yermolinskaya chronicles. The information of the Laurentian Chronicle about the campaign belongs to the Grand Vladimir Prince's chronicle. The compilation of the Ermolinskaya Chronicle belongs to the Rostov Chronicle. It is proved that the original information of the Moscow chronicle has a literary origin. Therefore, they cannot be used in this study. The thesis of A.N. Nasonov about the Chronicler of Vladimir's Prince Yuri Vsevolodovich in the Moscow Chronicle of the 15th century is criticized. The campaign of 1220 is presented in the context of the historical and geographical realities of Eastern Europe in the first third of the 13th century. It is proved that the campaign was not only a response to the Bulgar raid on Ustyug and Unzha, but also turned out to be the beginning of the expansion of the Vladimir Principality in the region of the mouth of the Oka. The tactical complexity of the campaign is shown. The leader of the campaign was Prince Svyatoslav, the brother of Vladimir's Prince George (Yuri) Vsevolodovich. After the arrival of the ship's troops at the mouth of the Kama, a separation occurred. One part of the Russian army defeated the city of Oshel. Another part made a raid along the banks of the Kama. The success of the military-political event determined the military-political activity of the Vladimir principality in the 1220s.

Keywords: Bulgars, Oshel, campaign, chronicles, source study, Volga, reconstruction.

REFERENCES

1. Ermolinskaya letopis' [Ermolin Chronicle]. Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles], vol. 23. Moscow, Languages of Russian culture, 2004, 240 p. (In Russian).
2. *Kuznetsov A. A.* Bitva na Lipice 1216 g.: istochnikovedenie i istoriya sobytiya [Battle of Lipica in 1216: source study and history of the event]. Novgorodskij istoricheskij sbornik [Battle of Lipica in 1216: source study and history of the event]. Novgorod Historical Collection. St. Petersburg: St. Petersburg. Institute of History of the Russian Academy of Sciences–Veliky Novgorod: Novgorod. state un-t im. Yaroslav the Wise, issue 16 (26), pp. 115–138. (In Russian).
3. *Kuznetsov A. A.* Imperskie osobennosti diplomatii Vladimirskogo knyazhestva sredi neslavjanskih narodov [Imperial features of the diplomacy of the Vladimir principality among non-Slavic peoples]. Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2019–2020 gody: Diplomatic practices in antiquity and the Middle Ages [Ancient states of Eastern Europe. 2019–2020: Diplomatic Practices in Antiquity and the Middle Ages]. Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2020, pp. 19–41. (In Russian).
4. *Kuznetsov A. A.* Nashestvie Batyya na Severo-Vostochnuyu Rus' v 1237/1238 g.: istochnikovedenie faktov [Batu's invasion of North-Eastern Rus' in 1237/1238: source study of facts]. Mininskie chteniya [Minin Readings]. Nizhnij Novgorod, 2011, pp. 325–343 (In Russian).
5. *Kuznetsov A. A.* O dostovernosti svedeniya o nabege bulgar na Yaroslavl' v 1152 g. [On the reliability of information about the raid of the Bulgars on Yaroslavl in 1152]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky]. Series History, issue 2(6) Nizhny Novgorod: UNN Publishing House, 2006, pp. 94–104 (In Russian).
6. *Kuznetsov A. A.* Politicheskaya istoriya Severo-Vostochnoj Rusi 1211–1218 gg.: istochnikovedcheskij aspekt [Political history of North-Eastern Rus' in 1211–1218: source study aspect]. RUTHENICA, vol. 8. Kyiv, Institute of the History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine, 2009, pp. 66–96. (In Russian).
7. *Kuchkin V. A.* O marshrutah pohodov drevnerusskikh knyazej na gosudarstvo volzhskih bulgar v XII – pervoj tretej XIII v. [On the routes of campaigns of ancient Russian princes against the state of the Volga Bulgars in the XII–first third of the XIII century] // *Kuchkin V. A.* Volgo-Okskoe mezhdurech'e i Nizhnij Novgorod v srednie veka [Volga-Oka interfluvium and Nizhny Novgorod in the Middle Ages]. Nizhny Novgorod: “Quartz” Publ., 2011, pp. 45–64. (In Russian).
8. Lavrent'evskaya letopis' [Laurentian Chronicle]. Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles], vol. 1. Moscow, Languages of Russian culture, 1997, 496 p. (In Russian).
9. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'yu [Chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon chronicle] Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles], vol. 10. Moscow, Languages of Russian culture, 2000, 244 p. (In Russian).
10. *Malovichko S. I.* Vozniknovenie i politicheskaya zhizn' drevnerusskogo goroda v otechestvennoj istoricheskoy mysli XVIII v. [The emergence and political life of the ancient Russian city in the national historical thought of the XVIII century].

- century]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk: 07.00.02, 07.00.09 [Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences: 07.00.02, 07.00.09]. Stavropol State University, Stavropol, 2002, 65 p. (In Russian).
11. *Mel'nikova E. A.* Ekonomicheskie sistemy v epohu obrazovaniya gosudarstva: Drevnyaya Rus' i skandinavskie strany [Economic systems in the era of state formation: Ancient Rus' and the Scandinavian countries]. Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy, 2015 god: Ekonomicheskie sistemy Evrazii v ranee Srednevekov'e [The most ancient states of Eastern Europe, 2015: Economic systems of Eurasia in the early Middle Ages]. Moscow, 2017, pp. 390–440. (In Russian).
 12. Moskovskij letopisnyj svod konca XV veka [Moscow annals of the late XV century]. Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of Russian chronicles], vol. 25. Moscow: Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1949, 464 p. (In Russian).
 13. *Nasonov A. N.* Istoriya russkogo letopisaniya XI–nachala XVIII veka. Ocherki i issledovaniya [History of Russian chronicle writing in the 11th – early 18th century. Essays and research]. Moscow, “Nauka” Publ., 1969, 556 p. (In Russian).
 14. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Novgorod First Chronicle of the Senior and Junior Editions]. Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of Russian chronicles], vol. 3. Moscow, Languages of Russian culture, 2000, 720 p. (In Russian).
 15. Sofijskaya pervaya letopis' [Sofia First Chronicle]. Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of Russian chronicles], vol. 6, issue 1. Moscow, Languages of Russian culture, 2000, 312 p. (In Russian).

Received 30.05.2022

Kuznetsov A.A., Doctor of History, Associate professor of Department of Culture And Psychology of Entrepreneurship of the Institute of Economics and entrepreneurship National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Prospekt Gagarina, 23, Nizhny Novgorod, Russia, 603022
E-mail: nalbuz@mail.ru